

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРНОГОРЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИД И СЛАВЯНСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ)

В.Б. Хлебникова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; istfilos@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об участии государственных органов и общественных организаций России в деле подбора среди черногорской молодежи кандидатов на получение образования в нашей стране в средних и высших учебных заведениях. Эта работа проводилась весьма активно. Российское руководство было заинтересовано в том, чтобы создать в славянских землях Балканского полуострова слой специалистов, связанных с Россией духовными узами, знающих и любящих русскую культуру. Сегодня такую политику называют «мягкой силой», а в XIX — начале XX в. это было проявлением прагматизма и стратегического расчета во внешней политике империи. Дело в том, что Черногория, получившая после Берлинского конгресса 1878 г. международное признание, стала привилегированным партнером и клиентом России. Ее монарх Никола Петрович сумел убедить русское правительство, что в случае военных осложнений на Балканах черногорцы смогут оказать России помощь в боевых действиях. В последней трети XIX — начале XX в. российское самодержавие выплачивало черногорским властям солидные дотации на модернизацию государственного аппарата и вооруженных сил. Пособия постоянно увеличивались и складывались в огромные суммы. Однако правитель Черногории оказался строптивым подопечным, склонным забывать об оказанной поддержке и игнорировать политические рекомендации русского царя и его окружения. В начале XX в. отношения двух стран были натянутыми, а поведение Николы Петровича зачастую казалось непредсказуемым. Он легко нарушал собственные обещания, время от времени демонстрировал готовность сменить русское покровительство на дружбу Западной Европы. Выход из этого тупика многие русские дипломаты и общественные деятели видели в том, чтобы подготовить для Черногории как можно больше образованных специалистов, которые вольются политическую элиту княжества и станут более надежными союзниками, чем корыстолюбивое старшее поколение. Тем более что в Черногории, недавно перешедшей от племенного уклада к государственной жизни, не было ни полной средней школы в европейском понимании, ни высших учебных заведений. Расчеты российского руководства оправдались только отчасти, тем не менее, в маленькой балканской стране действительно жили и работали выпускники русских учебных заведений, искренне признательных и преданных России.

Ключевые слова: Российская империя; Черногорское княжество; черногорские учащиеся в России; Комиссия по образованию южных славян в России; славянские благотворительные комитеты; стипендиаты князя Николы

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-184-195

Для цитирования: Хлебникова В.Б. Образование черногорцев в Российской империи как инструмент политического и культурного влияния (на примере деятельности МИД и Славянских благотворительных комитетов) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 184–195.

EDUCATION OF MONTENEGRINS IN THE RUSSIAN EMPIRE AS A TOOL OF POLITICAL AND CULTURAL INFLUENCE

(BY THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF THE MFA AND SLAVIC CHARITY COMMITTEES)

Varvara B. Khlebnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; istfilos@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the issue of the participation of the officials and public organizations of Russia in the selection of candidates for education in our country among Montenegrin youth in schools and higher educational institutions. Russian officials were interested in creating a number of specialists in the Slavic lands of the Balkan Peninsula, connected with Russia, who knew and loved Russian culture. Today, such a policy is called “soft power”, and in the XIX and early XX centuries this was a manifestation of pragmatism and strategic calculation in the foreign policy of the empire. Montenegro, which received international recognition after the Berlin Congress of 1878, became a privileged partner and client of Russia. Monarch Nikola Petrovich managed to convince the Russian government that in case of military complications in the Balkans, the Montenegrins would be able to assist Russia in the hostilities. In the last third of the XIX — early XX centuries Russian autocracy paid substantial subsidies to the Montenegrin authorities for the modernization of the state apparatus and the armed forces. Benefits were constantly increased and added up to huge sums. However, the ruler of Montenegro turned out to be an obstinate ward, inclined to forget about the support provided and ignore the political recommendations of the Russian tsar and his entourage. At the beginning of the twentieth century relations between the two countries were strained, and the behavior of Nikola Petrovich often seemed unpredictable. He easily broke his own promises, from time to time he showed a willingness to change Russian patronage for the friendship of Western Europe. Many Russian diplomats and public figures saw a way out of this impasse in preparing as many highly educated specialists as possible for Montenegro, who would join the political elite of the principality and become more reliable allies than the greedy older generation. Moreover, in Montenegro, which had recently switched from a tribal way of life to state life, there was neither a complete secondary school in the European sense, nor

higher educational institutions. The calculations of the Russian leadership were only partially justified. However, in this small Balkan country, graduates of Russian educational institutions, sincerely grateful and devoted to Russia, did live and work.

Key words: Russian Empire; Montenegrin Principality; Montenegrin students in Russia; Commission for the Education of South Slavs in Russia; Slavic charitable committees; scholarship holders of Prince Nikola

For citation: Khlebnikova V. B. (2022) Education of montenegrins in the Russian empire as a tool of political and cultural influence (by the example of the activities of the MFA and slavic charity committees). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 184–195. (In Russ.)

Современные дипломаты и политики часто используют выражение «мягкая сила», которое ввел в научный оборот американский политолог Джозеф Най (Joseph Nye). Эти слова звучат тогда, когда хотят подчеркнуть культурное влияние страны, руководители которой умеют добиваться желаемых результатов путем добровольной помощи своих партнеров, а не подкупом или принуждением. Отечественные ученые давно обратили внимание на то, что в XIX — начале XXI в. Россия в международных отношениях активно использовала образование, науку и искусство в качестве инструмента воздействия на потенциальных союзников¹. Среди них православные народы, особенно обитатели Балканского полуострова, всегда воспринимались россиянами как естественные соратники и друзья. Особое место занимали связи с черногорцами, Россия традиционно поддерживала тесные контакты с ними. В значительной степени благодаря покровительству и содействию русского правительства Черногорское княжество смогло обрести суверенитет.

Черногория после международного признания в 1878 г. остро нуждалась в квалифицированных специалистах, так как ей предстояло перейти от племенных порядков к государственной жизни, поднять экономику, преодолеть почти поголовную неграмотность населения. В одиночку решать эти задачи Княжество не могло, система образования в стране была в зачаточном состоянии, не было ни одного вуза и только два средних специальных учебных заведения — Богословская семинария для юношей и Мариинский женский институт для девушек. На протяжении нескольких десятилетий Россия выделяла значительные суммы на содержание этих учреж-

¹ См.: Павловская А.В. Взаимодействие культур в международном образовании: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 52–65; Бартош А.А. Стратегическая культура как инструмент «мягкой силы» российской дипломатии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2019. № 4. С. 19–31.

дений. Стране остро не хватало начальных школ и учителей для них. Отчасти выходом из этой тяжелой ситуации была посылка молодых людей в заграничные школы и вузы. На первом месте среди стран, готовых обучать у себя студентов из балканских стран, была Россия. С 1878 по 1913 г. просьбы светских и духовных властей Черногории принять в русские учебные заведения подданных Княжества были постоянными.

Подобные обращения всегда находили положительный ответ в России. Руководству Российской империи было ясно, что огромные траты на освобождение славянских народов и превращение их в верных союзников должны подкрепляться хорошо поставленной системой образования и воспитания в русофильском духе славянской молодежи, на которую делался главный расчет. Глава дипломатической миссии в Цетине П.М. Власов писал министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу: «...Руководить делом образования народа равносильно тому, что руководить его совестью или держать ключ к его сердцу; <...>имея в наших руках заведывание народным образованием в Княжестве, мы могли бы фактически направлять молодое поколение его в смысле, желательном России, привязывать его к ней духовно, и постепенно готовить из него стойкий по духу и убеждениям и дружественный ей народ, на который без недоверия могла бы положиться и опереться Россия, когда нам потребовалось бы его содействие на Балканах»². Иначе говоря, специалисты, получившие в Российской империи образование, рассматривались как инструмент формирования общественного мнения и поддержки России в том или ином регионе. В связи с этим дело образования выходцев из славянских земель продолжалось на протяжении десятилетий, было поставлено на широкую ногу и приносило реальную пользу и русским покровителям, и славянским народам.

При Азиатском (позже Первом) департаменте Министерства иностранных дел много лет успешно работала Комиссия по образованию в России южных славян. Она подбирала подходящие места в средних и высших учебных заведениях Российской империи, выделяла стипендии, разрабатывала правила приема и обучения, рассылала их и сопроводительные инструкции в дипломатические службы на Балканах, опекала славянскую молодежь во время обучения, помогала решать социальные и личные проблемы своих стипендиатов. Также Комиссия уделяла большое внимание предварительной подготовке юношей к учебе в российских школах и вузах. При содействии ди-

² Архивско одељење Народног музеја Црне Горе (Архивное отделение Национального музея Черногории, далее АОНМЧ). Фонд Приновљени рукописи. 1901. Фас. XLIX. Део 2.

ректора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремноухова, а также известных славянофилов И.С. Аксакова и Н.П. Игнатьева был организован специальный пансионат для мальчиков из южнославянских стран, который много лет возглавлял педагог Ф.Н. Минков. В нем в течение нескольких месяцев детей готовили к вступительным экзаменам. Комиссии постоянно помогали Славянские благотворительные комитеты, также немало сделавшие для того, чтобы молодые люди получили образование и вернулись на родину подготовленными специалистами. Отбор кандидатов для отправки на учебу был возложен, в первую очередь, на дипломатические службы Российской империи. В Черногорском княжестве такими вопросами занималась дипломатическая миссия в Цетине, а в пограничных с ним землях вице-консульство в албанском городе Скадаре (современное название Шкодер). Местные власти и население тоже принимали участие в подборе юношей для отправки в Россию. Если речь шла об обучении в духовных заведениях, то выбор делали духовные власти южнославянских стран. Когда рассматривался вопрос о поступлении в военные и гражданские училища, решающее слово оставалось за русскими дипломатами. Вместе с тем была необходима рекомендация военных и гражданских властей Черногории, занимавшихся «делом воспитания юношества». Учитывалось и мнение православных общин, члены которых хотели бы получить образование в России.

Дипломаты должны были собирать сведения о кандидатах и своевременно отправлять в МИД России необходимые документы, извещать черногорскую сторону об имеющихся в русских учебных заведениях свободных местах, разъяснять правила приема. Эти правила были самыми простыми. Соискатель в своем прошении должен был указать точное название учебного заведения, в котором он намерен учиться, назвать свой возраст и подтвердить его свидетельством о рождении. Необходим был аттестат об окончании школы, которую соискатель закончил на родине, желательно было приложить перечень дисциплин, прослушанных за время обучения. Нужны были сведения о родителях и их имущественном положении. Семью учащегося сразу предупреждали, «что все молодые люди, кои получают образование в России на счет императорского правительства, обязаны по окончании курса возвращаться на родину», у них не будет права поступать на русскую государственную службу³. Сотрудники миссии имели право добавить собственные комментарии и замечания о личности абитуриента. Условие, связанное с имущественным цензом семьи кандидата, не означало, что в

³ Ф. Приновлены рукописи. 1883. Фас. XXXI.

России противились обучению людей из нижних слоев славянского общества. Но стипендия, которую платила Комиссия, была очень скромной, а жизнь на чужбине непростой. Поэтому чиновники МИД предпочитали иметь дело с молодыми людьми, чьи семьи могли бы оказать материальную помощь в случае непредвиденных осложнений.

Наплыв черногорцев в Россию оказался выше всяких ожиданий. МИД России столкнулся с рядом проблем, которые вызывали недовольство чиновников. Власти Княжества нарушали сроки подачи документов, нередко до последней минуты не было известно, сколько молодых людей будет послано в Россию. Кандидаты часто не соответствовали даже тем простым требованиям, которые разработала Комиссия: были «переростками» (слишком взрослыми, чтобы учиться в тех школах, куда приезжали), не имели законченного среднего образования, совсем не знали русского языка. Много хлопот было с теми, кто отправлялся в Россию на свой страх и риск, не получив официального подтверждения, что место в учебном заведении будет предоставлено. Поскольку выходцы из Черногории были, как правило, небогаты, то возникали проблемы с их возвращением на родину, у многих просто не было денег на билет. Все эти трудности приходилось преодолевать сотрудникам Комиссии и членам Славянских благотворительных комитетов, созданных в некоторых крупных городах России. Эти общественные организации действовали особенно активно во второй половине XIX в., поддерживая тесные связи не только с российским МИД, но и с южнославянским населением. Со временем Комиссии пришлось ужесточать и уточнять правила приема, в конце 1890-х годов были введены новые требования. Они предъявлялись как к кандидатам, так и к властям, занимавшимся отбором и посылкой будущих студентов в Россию. Подтверждались сроки сбора и высылки документов (к 1 апреля текущего года), заявления тех, кто опоздал с прошением, откладывались на год. Категорически запрещалось выезжать в Россию без официального приглашения. Если это условие не соблюдалось, нарушитель терял право на стипендию. Жестко регламентировался вопрос о национальном происхождении кандидатов, ими могли быть только славяне — подданные Сербии, Черногории, Болгарии и уроженцы тех южнославянских областей, которые еще оставались под властью Османской империи. Остальные предписания оставались по-прежнему простыми, количество документов, необходимых для выезда в Россию, не изменилось. Очевидно, Комиссия по образованию в России южных славян противостояла наплыву неорганизованных «стихийных» абитуриентов, стараясь повысить их ответственность за собственное образование.

Количество мест для обучения в конце XIX — начале XX в. постоянно увеличивалось, но желающих было больше, чем предложенных стипендий. Типичный набор предлагаемых учебных заведений мы находим в письме Комиссии, направленном российскому министру-резиденту в Цетинье К.М. Аргиропуло 10 декабря 1892 г.⁴ Это были все университеты России, Военно-медицинская Академия в Петербурге, горные и технологические институты. Очень приветствовалось обучение славян в российских духовных академиях. Средние учебные заведения России, обучавшие славян, — это духовные семинарии, кадетские корпуса, профессиональные училища. Довольно часто учреждались специальные стипендии для черногорцев, чтобы дать им возможность получить неизвестные в княжестве профессии⁵. Русские ремесленные училища охотно принимали их на обучение⁶. Дело в том, что в крохотной воинственной стране исторически сложилось негативное отношение к ремеслу, как занятию, недостойному истинного воина. Овладение ремесленными специальностями в России было одним из способов повысить престиж тех видов деятельности, которые способствовали развитию производительных сил Княжества.

В конце XIX в. стали посылать и девушек. Обычно они поступали в Женский медицинский институт в Петербурге, а также в Левашевский пансион в Киеве, Кушниковский девичий институт в Керчи, Славянский питомник в Одессе, женскую гимназию в Астрахани и в др. Большая часть учебных заведений, доступных уроженкам Балканского полуострова, была на юге Российской империи. В Комиссии не забывали о том, что климат России для жителей Адриатики был слишком суровым⁷. Для черногорок возможность учиться в России значила больше, чем для других южных славянок. Женский вопрос в княжестве имел особую историческую окраску. Племенной уклад народной жизни, еще довольно прочный на рубеже XIX–XX вв., подразумевал низкий социальный статус женщин. В патриархальных черногорских семьях жены, дочери, сестры выполняли тяжелую физическую работу в доме и в поле, не имели права решать свою судьбу, за них это делали родители или мужья, и в силу такого положения чаще всего не имели доступа даже к начальному образованию. Известный исследователь П.А. Ровинский в многотомной монографии «Черногория в ее прошлом и настоящем» писал о том, как неохотно соглашались в семьях отпускать девочек

⁴ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1892. Фас. XL.

⁵ АОНМЧ. Ф. Къзаза и краља Николе. 1893. № 20.

⁶ АОНМЧ. Ф. Къзаза и краља Николе. 1893. № 21.

⁷ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1899. Фас. XLIV. Део 1.

даже в начальную школу⁸. Правда, в княжестве много лет успешно работал Мариинский девичий институт, находившийся под покровительством русского двора. Но он не мог вместить и малой доли всех, кто хотел бы там учиться. Поэтому редкий счастливый случай уехать в Россию и получить там специальное образование был для черногорских девушек почти равен чуду.

Лица, занимавшие выходцами из балканских земель, относились к делу неформально и с большим энтузиазмом, изыскивая все новые возможности помочь молодежи, желающей учиться. Уже упомянутый Ф.Н. Минков вел активную переписку с российской дипломатической миссией в Цетине и передавал информацию о том, какие школы в России могли бы принять черногорцев⁹. Например, 14 июня 1893 г. он сообщал министру-резиденту К.М. Аргиропуло: «Я ездил с Министром Народного Просвещения в Новую Александрию (Варшавский учебный округ), где открыт Агрономический лесной институт <...>. Я думаю, что для развития земледелия и лесоводства в Черногории, не мешало бы пока иметь хотя одного черногорца в этом институте, но необходимо, чтобы он окончил у себя на родине или в России среднее учебное заведение и знал русский язык, и был не моложе 18 лет. В институт принимаются только русские подданные, но я беру на себя почин выхлопотать у г-на Министра Народного Просвещения принять и черногорского подданного. Я постараюсь поставить дело воспитания черногорцев на должную ногу, чтобы оно впоследствии приносило стране пользу»¹⁰. Ф.Н. Минкову нелегко приходилось с черногорскими юношами. Его воспитанники после многомесячного пребывания в пансионе обычно успешно сдавали экзамены в кадетские корпуса. Но это давалось немалым трудом, так как многие из кандидатов были слабо подготовлены к обучению в России. Отправлявшие их черногорские чиновники иногда сами выступали в роли нерадивых учеников, нарушая правила, принятые Комиссией¹¹. Тем не менее, письма Ф.Н. Минкова свидетельствуют о его неизменном стремлении помочь юным черногорцам, о неиссякаемом добродушии и отзывчивости. К чести черногорского правительства нужно добавить, что заслуги Ф.Н. Минкова не остались незамеченными, он был награжден князем Николой за вклад в дело просвещения черногорцев.

В Россию приезжали не только те, кто получил стипендию от Комиссии по образованию южных славян, но и так называемые питомцы, воспитанники черногорского правителя князя Николы.

⁸ См.: *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Пг., 1915. Т. III.

⁹ *АОНМЧ. Ф.* Приновльени рукописи. 1892. Фас. XL.

¹⁰ *АОНМЧ. Ф.* Приновльени рукописи. 1893. Фас. XLI. Део 1–2.

¹¹ *АОНМЧ. Ф.* Приновльени рукописи. 1900. Фас. XLVIII.

Эти юноши должны были жить и учиться на средства, выделенные черногорским двором. В разные годы их число было разным, но проблемы у них были одни и те же. Черногорское княжество в конце XIX в. находилось в тяжелом финансовом положении, имело непосильные внешние долги. Поэтому про своих воспитанников князь часто «забывал», и те, не получая финансовой поддержки с родины, оказывались в отчаянном материальном положении. Редкие подарки со стороны членов княжеского семейства не могли компенсировать многомесячных задержек стипендии¹². Заниматься судьбой черногорских студентов обычно приходилось Славянским благотворительным комитетам. Сохранилась обширная переписка между С.-Петербургским славянским благотворительным обществом и сотрудниками разных уровней МИД России по поводу воспитанников князя Николы. Речь шла о том, что присланные черногорским монархом студенты так долго не получали денег от князя, что обществу пришлось выдать им в 1890 г. немалую сумму на пропитание и одежду¹³. Возник щекотливый вопрос, как объяснить благотворителям эти траты, бюджет общества был ограничен. Удалось найти временный выход из неловкой ситуации. В России тогда шел сбор денег для черногорского народа, страдавшего от очередного неурожая и голода¹⁴. Выданные стипендиатам князя Николая деньги были включены в графу «в пользу голодающих черногорцев». К сожалению, в этой формулировке была горькая правда, черногорские учащиеся в самом деле жили в России впроголодь. Подобные ситуации время от времени повторялись¹⁵.

Иногда дело доходило до крайностей. Горькая судьба ждала Радована Вукотича¹⁶. Одаренный волевой молодой человек, приехавший учиться петербургскую Военно-медицинскую академию, ослеп из-за того, что голодал и терпел крайнюю нужду, подолгу не получая из Черногории положенной ему стипендии. Сотрудники С.-Петербургского общества обратили особое внимание на деликатность Р. Вукотича, не считавшего достойным требовать денег или иной помощи. Даже потеряв зрение, Р. Вукотич не отказался от мечты получить высшее образование. Он перевелся на юридический факультет Петербургского университета, который закончил с отличием. Восхищенные мужеством и упорством студента, сотрудники Славянского общества обратились в Азиатский департамент

¹² АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1881. Фас. XXIX.

¹³ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1890. Фас. XXXVIII.

¹⁴ Хлебникова В.Б. Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016. С. 36.

¹⁵ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1892. Фас. XL.

¹⁶ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1895. Фас. XLIV.

МИД России с просьбой оказать материальную помощь упорному юноше.

Еще один драматический эпизод мы находим в письме, присланном из С.-Петербургского общества в Цетинье в 1911 г. Шестнадцатилетний Спасое Вукич Зонич был принят в губернскую гимназию г. Владимира стипендиатом Комиссии по образованию южных славян, но закончив три класса, заболел туберкулезом. Врачи посоветовали отправить мальчика на родину не меньше чем на год. Председатель правления С.-Петербургского общества написал в Цетине российским дипломатам: «Опасаясь, что Зонич, стремящийся продолжать свое образование, прибудет опять в Россию не вполне излечившись от болезни, которая в таком случае разовьется с новой силой, Попечительство имеет честь покорнейше просить ИМПЕРАТОРСКУЮ Миссию не допускать выезда Зонича в Россию без представления им свидетельства врача о его выздоровлении. <...> Попечительство позволяет себе усердно просить Миссию оказать Зоничу возможное содействие к надлежащему лечению его на родине, так как состояние его здоровья врачами признано опасным. Наиболее желательным для Зонича было бы окончить среднее образование на родине и уже после этого, если позволит здоровье, приехать в Россию для получения высшего образования»¹⁷. История С. Зонича весьма показательна. Одно дело жить в маленькой Черногории и мечтать увидеть свет и стать образованным человеком. Другое — приехать в далекую суровую страну, узнать всю горечь положения студента на чужбине и не отказаться от мечты. Целеустремленность черногорских студентов была едва ли не единственным помощником на их трудном пути к русскому диплому.

Несколько черногорок смогли получить образование в нашей стране. Трогательно звучит история двух девочек, Марицы Николич-Павлович и Ангелии Роганович¹⁸. В 1887 г. в семилетнем возрасте они были привезены в Россию, русского языка не знали и были слишком маленькими, чтобы поступить в какую-нибудь среднюю школу. В связи с этим были помещены в Демидовский дом трудолюбия (его также называли Дом Анатолия Демидова) — воспитательное и учебное заведение, работавшее под покровительством императрицы Марии Федоровны. Одиннадцать лет провели девочки в Демидовском доме, получили образование и стали профессиональными учительницами. Их успехи в учебе были отмечены специальными наградами. Но обе, к сожалению, забыли родной язык, что сильно тревожило их воспитателей. Руководство Демидовского дома

¹⁷ АОНМЧ. Ф. Приновлены рукописи. 1911. Фас. LXIV.

¹⁸ АОНМЧ. Ф. Приновлены рукописи. 1898. Фас. XLVI.

отправило девушек на родину, снабдив всеми необходимыми вещами и главное рекомендациями, адресованными русскому министру-резиденту и начальнице Мариинского девичьего института в Цетинье С.П. Мертваго. Под ее началом юные учительницы должны были приступить к педагогической работе. Нет никаких сомнений, что Мариинскому институту, который всегда испытывал острую нехватку кадров, воспитанницы Демидовского дома были нужны. Именно таким образованным девушкам предстояло доказывать право женщин Черногории на общественную деятельность, добиваясь равных прав с мужчинами.

Результаты работы Комиссии по образованию южных славян стали видны довольно быстро. Выпускники русских вузов сразу же включались в общественную жизнь своего отечества, стремясь ускорить его развитие. Многие гражданские и военные чиновники, а также представители духовенства, получившие образование в России, стали заметными фигурами в государственном аппарате Черногории, занимали министерские посты, входили в ближний круг черногорского монарха. Некоторые из выпускников трудились в сфере образования и науки. Один из первых историков и библиографов Черногории Марко Драгович с 1878 по 1882 г. учился в СПб. Духовной академии и серьезно увлекся изучением архивных материалов по черногорской истории, мечтая написать историю русско-черногорских отношений от Петра I¹⁹. Может быть, именно это увлечение определило дальнейшую судьбу М. Драговича, написавшего более ста научных и популярных исторических сочинений.

Завершая разговор о черногорских учащихся в России, хочется еще раз подчеркнуть тот энтузиазм и одушевление, с которым молодые люди рвались в страну, мало им известную, но представлявшуюся оплотом их надежд. Суровые испытания не охладили пыла тех, кто верил в великую Россию, защитницу славянских народов. Российские чиновники, стремившиеся организовать, привести в определенные рамки и контролировать эти порывы, в определенном смысле потерпели неудачу. В 1913 г. руководство С.-Петербургского благотворительного общества снова сетовало на «наплыв» черногорцев, нарушавших инструкции и правила и приезжавших в Россию учиться без всякой подстраховки²⁰. Председатель общества П.Д. Паренсов просил, чтобы в черногорских газетах были опубликованы условия, в соответствии с которыми шло зачисление в учебные заведения империи. Растущий поток «неорганизованных» абитуриентов свидетельствовал о высоком рейтинге российского образова-

¹⁹ АОНМЧ. Ф. Къза и краља Николе. 1882. Без номера.

²⁰ АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1913. Фас. LXVI.

ния в славянских странах. Только Первая мировая война остановила приток славянской, в том числе черногорской молодежи в русские учебные заведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартош А.А.* Стратегическая культура как инструмент «мягкой силы» российской дипломатии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2019. № 4. С. 19–31.
2. *Павловская А.В.* Взаимодействие культур в международном образовании: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 52–65.
3. *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Пг., 1915. Т. III.
4. *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016.

REFERENCES

1. Bartosh A.A. 2019. Strategicheskaya kultura kak instrument “myagkoj sily” rossijskoj diplomatii [Strategic culture as a tool of “soft power” of Russian diplomacy]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 4, pp. 19–31. (In Russ.)
2. Pavlovskaya A.V. 2020. Vzaimodejstvie kultur v mezhdunarodnom obrazovanii: k voprosu o problemah mezhkul'turnoj kommunikacii v global'nom mire [Interaction of cultures in international education: on the problem of intercultural communication in the global world] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 52–65. (In Russ.)
3. Rovinskij P.A. 1915. *Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem* [Montenegro in its past and present]. Pg., V. III.
4. Khlebnikova V.B. 2016. *Chernogoriya: fenomen nacional'noj gosudarstvennosti. 1878–1916 gg.* [Montenegro: the phenomenon of national statehood. 1878–1916]. Moscow.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022;
одобрена после рецензирования 17.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 18.04.2022;
approved after reviewing 17.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Хлебникова Варвара Борисовна — доцент кафедры региональных исследований и международных отношений факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; istfilos@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Varvara B. Khlebnikova — Associate Professor, Department of Regional Studies and International Relations, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University; istfilos@gmail.com